

Книга проникнута большой заботой крупного ученого о гуманитарных науках и тех, кто посвятил себя служению им. Вот небольшой обзор тем, которые автор обозначил в первой части. «Почему еще жива российская наука?», «Гуманитарная наука как культурная ценность», «Гуманитарный не означает второстепенный», «РГНФ и реформа науки».

В то время, когда усилиями одних «реформаторов» и бездейтельностью

других «разбрасывались камни» и российскую науку покидали сотни тысяч молодых и перспективных ученых, автор, Е. В. Семенов, «немикрофонный» патриот России, нечиновный руководитель Фонда вместе с Советом Фонда во главе с председателем Совета академиком В. Л. Яниным делали очень нужное для России дело. Теперь самое главное — не дать его разрушить.

Г. Г. Григорян

Маркова Е. В., Войновская К. К. Константин Генрихович Войновский-Кригер (1894–1979). М.: Наука, 2001. 144 с.

Сталкиваясь с чем-то совершенно новым, испытываешь кроме интереса еще и некоторый дискомфорт. К новому надо привыкнуть. Данная рукопись в нашей отечественной биографической литературе, безусловно, явление новое. Большая часть ее посвящена жизни и деятельности ученого в условиях неволи. Интерес к «той жизни» К. Г. Войновского-Кригера, жизни за проволокой, естественен. Этот ученый мирового уровня, создатель геологической школы, сделал свои основные открытия в ГУЛАГе. Дискомфорт, напротив, «противоестественен» и вызван тем, что мы приучены к замалчиванию многих страниц нашей отечественной истории. И когда перед глазами предстает другая жизнь, инстинктивно прячемся за привычные стереотипы. Но авторы их разрушают, и перед нами проходит история гулаговской геологической науки на огромной территории Северо-Восточной Европы в 1920–1950-е гг.

Книга хорошо структурирована. Разделение текста на главы отражает этапы жизни и деятельности Войновского-Кригера. Авторы удачно сочетают в своем повествовании архив-

ные документы, воспоминания самого Войновского-Кригера и историко-научные работы, вышедшие за последние годы. Широко использованы семейный архив ученого, его письма и воспоминания, что дало возможность проследить историю семьи ученого. Большой подмогой в этом плане стала для авторов недавно опубликованная книга воспоминаний дяди ученого, видного государственного деятеля царской России [1]. К сожалению, сам Константин Генрихович в своих воспоминаниях совершенно не касается деталей лагерной жизни. Вся его проза посвящена только научно-практической работе в области геологии. Политический контекст советской жизни Заполярья и условия существования гулаговской геологии авторам пришлось восстанавливать по другим литературным источникам.

Знакомство с генеалогией семьи Войновских-Кригеров дает понимание того, что такое «хорошие гены» и «хорошая наследственность». Умные, деятельные, честные — все представители этой фамилии служили отечеству, своему народу и, как правило, получали по заслугам за свое служение. Исключение составил Константин Генрихович, репрессированный в самом конце 1920-х гг. Судимость с него была снята только в 1954 г. Но и он, хотя и с большим опозданием, получил официальное признание со стороны государства как высококлассный специалист, много сделавший на благо своей страны. Неофициальное признание среди коллег, учеников и сподвижников у него было всегда.

Обращает на себя внимание факт беззаветного служения своему отечеству, своей малой родине. Это объединяет Войновского-Кригера со многими российскими юношами начала XX в., стремившимися получить образование и быть полезными не только стране, но и родному краю, где они родились и выросли. Так, будущий химик, академик АН СССР, тоже побывавший в сталинских лагерях, А. А. Баландин 18-летним юношей писал: «Моя родина — Сибирь. Для родины должен я прежде всего работать. В Сибири

мало интеллигентных сил — следовательно, надо учиться, в Сибири много природных богатств — следовательно, надо ими научиться пользоваться. Для их отыскания, для их добычи, для их переработки главным образом нужны химические знания. Вот для чего, для того, чтобы быть полезным горячо любимой Сибири, я хочу заниматься химией» [2, с. 214]. Как много сходства между Баландиным и Войновским-Кригером! Только вместо Сибири будет Дальний Восток, а вместо химии — геология. Целое поколение молодых людей было нацелено на беззаветное служение Родине. Увы, многим из них пришлось закончить свою жизнь в лагерях и тюрьмах или эмигрировать и работать уже на чужбине. Можно сказать, что судьбы Баландина и Войновского-Кригера сложились еще не так трагично как у многих их современников. Они были востребованы как профессионалы, их личная жизнь была счастливой.

Свою малую родину, Дальний Восток, Константин Генрихович мечтал увидеть все долгие заполярные годы, но осуществил свою мечту только в конце жизни, специально приехав навестить дорогие сердцу места. Любимой палеонтологией, которой он хотел заниматься всю жизнь, он смог уделить время только уже будучи на пенсии. Это, пожалуй, самые трогательные места книги, где описывается как человек, лишенный возможности жить там, где он хотел, и заниматься работой о которой мечтал, все же после долгих лет возвращается и к тому, и к другому. Пускай хоть ненадолго, но прикасается к миру юности, к миру своих первых и сильных переживаний.

Я бы только частично согласился с тезисом авторов работы, суть которого в том, что «он (Войновский-Кригер, а можно поставить и обобщающее — геолог. — А. Р.) показал пример высокорезультативной деятельности в совершенно неподходящих для этой деятельности условиях» (с. 10), поскольку трудности его жизни в Заполярье были смягчены рядом обстоятельств. Войновский-Кригер был колони-

зированным, а не заключенным, что делало его жизнь похожей на жизнь многих советских геологов того времени, работавших в экспедициях. Да, ему было тяжелее, чем вольнонаемным геологам, особенно морально. Но зато какое поле для изысканий — вся Печора, весь Полярный Урал! Плохая лабораторная база и отсутствие специальной литературы по специальности, особенно до строительства комбината «Воркутауголь», в какой-то мере компенсировались общением с товарищами по несчастью. А уж общаться и сотрудничать там было с кем — в ближайшее окружение К. Г. входили такие асы геологии, как Н. Н. Тихонович, П. Н. Полевой, И. И. Гинзбург, И. Н. Стрижов, Г. Н. Фридерикс и др.

Рост числа геологов происходил за счет созданных Войновским-Кригером курсов коллекторов, а также людей с незаконченным геологическим образованием, оказавшихся на Севере. Культурный уровень многих оказавшихся не по своей воле «на Воркуте и Ухте» в 1930–1950-е гг. был чрезвычайно высок. Там при желании можно было получить самостоятельное образование почти в любой области науки, техники и искусства, пользуясь консультациями сидевших в те годы специалистов.

И тем не менее даже на таком фоне Константин Генрихович выделялся своими профессиональными и организаторскими способностями, а также человеческими качествами, что делало его центром «мозгового треста» этого северного ГУЛАГа. Все вышесказанное позволяет переоценить мнение авторов о «совершенно неподходящих условиях», в которых работал Войновский-Кригер. Эта оценка, скорее, верна для его более молодых коллег, особенно заключенных.

Авторами отмечена интересная особенность в становлении геологической службы Заполярья. Там исследования образцов углей первыми начали проводить химики, а уже потом была организована петрографическая служба. На воле обычно аналитические работы начинают петрографы, а продолжают химики, которым

требуются большая детализация и введение дополнительных характеристик исследуемых образцов. По-видимому, перестановка в ходе исследований в Заполярье произошла случайно. В лагерях сначала появились химики, а потом петрографы.

Большое место в книге уделено воркутинскому театру и его значению в жизни всего Печорского угольного бассейна. Надо сказать, что театральное искусство после войны было в нашей стране чрезвычайно популярно. Людям хотелось яркой, а главное, духовной жизни. Артисты были кумирами общества. Сразу после войны конкурс в Школу-студию Московского художественного театра был около 500 человек на место. Такого конкурса тогда не было ни в какой другой вуз страны. Артисты, режиссеры и музыканты в Заполярье были как профессионалами, так и любителями, ставшими профессионалами уже в заключении. Та же картина что и в науке. В этих краях наука и искусство начинались не со студенческой скамьи, а сразу с производства. Однако наука, театр и человеческое общение спасали подневольных людей от безысходности и отчаяния и давали им импульс к жизни.

Для меня в книге о Войновском-Кригере наибольший интерес представляет фон, на котором разворачивалась судьба героя, история освоения Севера и развитие системы ГУЛАГа. И это не потому, что авторы вяло изобразили героя, а потому, что они ярко изобразили фон, историческое событийное полотно. Рукопись написана добротнo, со знанием биографического материала о Войновском-Кригере, а его научная и личная жизнь органично вписана в контекст лагерной действительности. Текст производит сильное впечатление своей эмоциональностью, пафосом обличения сталинского режима и гимна творческому духу людей — покорителей вечной мерзлоты. Особенно большое впечатление производят страницы, на которых описывается восстание заключенных, хотя они были бы более уместны в произведении иного литературного жанра, так как главный герой и его

окружение к восстанию имели лишь косвенное отношение.

Это профессионально написанная работа, которую, я уверен, оценят все поклонники научно-биографической литературы, и, возможно, благодаря данной книге у серии появятся новые читатели и почитатели.

Литература

1. Кригер-Войновский Э. Б. Записки инженера — «Русский путь». М., 1999.
2. Алексей Александрович Баландин / Отв. ред. В. М. Грязнов. М., 1995.

А. Н. Родный

Гушель Р. З. Из истории математики и математического образования. Путеводитель по литературе. Ярославль: Изд-во Ярославского гос. пед. ун-та им. К. Д. Ушинского, 1999. 287 с.

«При большом разнообразии журналов, сборников и отдельных книг историко-математической тематики на русском языке, — пишет автор в предисловии, — у нас почти нет библиографических изданий, которые помогали бы найти нужные литературные источники по конкретным вопросам, и это в равной мере относится как к современной литературе, так и к литературе, изданной 80–100 и более лет назад. Между тем потребность в изданиях подобного рода совершенно очевидна. Библиографические справочники и указатели нужны исследователям, работающим как в различных областях математической науки, так и в области собственно истории математики. Очень нужны издания такого рода и в преподавании» (с. 12).

Рассматриваемая книга — единственное, насколько нам известно, библиографическое издание, собравшее публикации по истории математики и истории математического образования на русском языке и охватывающее период с древнейших времен до конца XX столетия. Намерение автора «представить одновременно материал, интересный и математикам, и историкам математики, и преподавателям высшей и средней школы, привело к тому, что внутри каждого раздела содержатся и оригинальные сочинения классиков науки, и серьезные историко-научные работы, и популярные издания, рассчитанные на старшеклассников и любителей» (с. 13).

Работа состоит из трех глав. В первой главе приведена литература по истории математики в древности и в средние века. Вторая глава посвящена истории математики Нового и Новейшего времени. В третьей главе предлагается литература по истории математики и истории математического образования в России. Главы подразделяются на части. Так, первая глава включает две части: «Математика древности» и «Ученые арабского Востока». Вторая состоит из трех частей: «Создание математики Нового времени», «Ученые-математики XVI—XVIII столетий», «Ученые-математики XIX — первой половины XX столетия». Третья глава включает четыре части: «Математика в России», «Из истории математического образования в России», «Математика в российских университетах и Академии наук», «Крупнейшие отечественные историки математики и их труды». Наконец, вся книга делится на 200 разделов, каждый из которых посвящен или творчеству отдельного ученого, или истории какой-либо проблемы.

Ряд разделов содержит литературу, посвященную истории конкретного вопроса: «Развитие счета и систем счисления», «Возникновение системы мер у разных народов», «Три классические задачи на построение», «Метод исчерпывания древних греков», «Формирование понятия целого и рационального числа», «Формирование понятия действительно-